

УДК 82

АДАПТАЦИЯ ЕВРЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В АМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

Калужина О. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: kaluzhina-olga@list.ru*

В статье рассматривается проблема адаптации еврейских писателей в американском литературном процессе, описываются три этапа становления еврейских писателей, называются основные темы их творчества. Отдельно рассматривается тематика творчества Ф.Рота, его желание бунтовать против общественных устоев.

Ключевые слова: идентичность, литературный процесс, еврейский, национальный

Постановка проблемы. В статье рассматривается проблема адаптации еврейских писателей в американском литературном процессе, описываются три этапа становления еврейских писателей, называются основные темы их творчества.

Проблема национальной идентичности – одна из наиболее часто дискутирующихся проблем в исследованиях современной американской прозы. А вопрос о «еврейской идентичности» («Jewish Identity») поднимается практически в каждой работе о писателях-евреях, в том числе и о творчестве Ф. Рота.

Если коснуться общегуманитарных оснований для исследования национальной культурной идентичности, то следует рассмотреть несколько ключевых аспектов.

«Современная теория культуры, отвечая на вызовы глобализации, в число основных проблем современности выводит вопрос о соотношении общечеловеческого и национального в культуре, - пишет исследовательница Т.И. Сулова. - Процессы интеграции, культурного влияния и проникновение элементов одной культуры в другую осуществляется при созревании культурно-цивилизационных особенностей или культурно-исторических типов внутри себя. Формирование самостоятельных культурных целостностей, таким образом, является необходимым условием интеграционных процессов в культуре»[1].

Таким образом, изучение локальных традиций, например, иудаизма или, шире, еврейской американской литературы (еврейской австрийской, еврейской российской литературы и др.) неизбежно влечет за собой рассмотрение как исторического фона, так и универсальных тенденций современной мировой культуры. Соотнесение принципа локальности и универсальности чрезвычайно важно для исследования проблем адаптации еврейских писателей в мультикультурную американскую среду.

Мировые достижения отдельных культур, несомненно, интересны миру именно как конкретно-национальные явления, отличающиеся собственной уникальностью, подлинной идентичностью. Итогом глобализации, как признают сегодня ученые различных направлений и дисциплин, должна стать некая глобальная культура, глобальное общество.

В современном мире можно говорить об уже сложившихся глобальных элементах культуры – это мода, образование, туризм, масс-медиа, интернет. На этом фоне

формирующихся глобальных культур существование национальных традиций в литературе позволяет осмыслить те локальные традиции, которые интегрируются в глобальное пространство, а также критически пересмотреть ряд идей глобализации, обезличивающей индивида, лишаящей его этнической и религиозной идентичности или, по крайней мере, делающей их нерелевантными в новой системе ценностей.

Нельзя не отметить существенного смещения исторических акцентов в современной американской еврейской литературе в сравнении с первым и вторым поколением писателей евреев (рубеж XIX-XX вв. и первая половина XX в.). Так, американский критик И. Хоу уже в 1970-х гг. писал о закате еврейской американской литературы в связи с истощением духовно-содержательного ее ресурса, то есть специфического пласта тем, рожденных первой и второй волной иммиграции в США.

В американском литературоведении появилось даже понятие «доктрина Хоу». Начало ей было положено во введении в его антологию 1977 года еврейских американских рассказов. По его мнению, еврейское мироощущение в США сохранилось лишь в книгах прошлого и в переживаниях отдельных представителей этой культуры, однако «звездный час» еврейской американской беллетристики миновал, ибо тематика ее больше не базируется в конкретно-исторической действительности [2]

Однако, по мнению Д.П. Ройяла, этот литературный прогноз нельзя назвать исторически прозорливым. И. Хоу словно одновременно оплакивает смерть еврейской беллетристики в США и празднует ее торжество, ибо само содержание антологии подтверждает непреходящую связь поколений еврейских американских писателей. Это одновременно музей, «кладбище искусства» и подтверждение жизненности традиции.

Еще более строгий приговор современной еврейской прозе в США выносит в конце 1980-х Л. Фидлер примерно десять лет спустя, возвещая о смерти еврейско-американского романа, его принадлежности прошлому, а не настоящему американской литературы: «The Jewish-American novel is over and done with, a part of history rather than a living literature» [3].

И, тем не менее, активно развивающиеся Jewish Studies свидетельствуют о противном.

Существующий специальный выпуск «Shofar» является лишь одним из многих в этом продолжающемся признании жизнеспособности еврейско-американской литературы. На множестве примеров и на различном материале авторы этого гуманитарного альманаха подтверждают актуальность еврейско-американского пласта современной литературы.

Они обнаруживают в таких авторах, таких как Аллегра Гудмен, Майкл Чэбон, Ребекка Голдстейн, Перл Абрахам, Джонатан Розен, Нейтан Энгландр, Мельвин Жюль Букит, Рейх Тovy, Джонатан Сэфрэн Фоер яркий аргумент против «посмертных» диагнозов, принадлежащих И. Хоу, Л. Фидлер и др. Как иронизирует Д.П. Ройял, слухи о смерти еврейской американской беллетристики сильно преувеличены («The fact that reports of the death of Jewish American fiction are greatly exaggerated») [4].

Говоря об адаптации еврейских писателей (С. Беллоу, Ф. Рота, Б. Маламуда) в литературном процессе второй половины XX века, О. Гудхерт пишет и о специфичности исторического момента – а именно о послевоенной ситуации в США, и о военной тематике еврейской американской прозы 1950-1960-х гг.: «Один из самых экстраординарных фактов нашей демократии - то, что вооруженные силы могут

быть в социальном смысле наиболее демократическим институтом. Это место, где мужчины и женщины различных религиозных, расовых и этнических основ смешиваются в условиях равенства, иногда под огнем, несмотря на иерархическую структуру вооруженных сил. Кроме того, Вторая мировая война была войной против самого пагубного расизма и антисемитизма в истории. Во время послевоенного периода Америка стала все более и более гостеприимной, хотя не без сопротивления требованиям ее национальных меньшинств к полной культурной, социальной и политической адаптации, предоставления избирательных прав. Война служила своеобразным обрядом перехода («passage») для евреев, так же как для других этнических групп. Беллоу был пионером в литературе; Бернард Маламуд, Филип Рот и другие скоро последовали за ним» [5].

Если проанализировать американскую еврейскую литературу 1960-х, то, по мнению О. Гудхерта, ее «прорыв» можно истолковать не как феномен «еврей догнал Америку», а, напротив, как явление «Америка, в конце концов, догнала еврея».

Поиск идентичности героем этой части американской словесности оказался в определенном смысле поиском социальной, духовной идентичности самой Америкой. Маламуд, например, словно демонстрирует, что все мужчины – в иносказательном смысле «евреи». А рассказчик в романе Уокера Перси «Кинозритель» («The Moviegoer») декларирует свою «еврейскость» инстинктивно, толкует тему «исхода» как всеобщее-американскую.

Однако, продолжает рассуждать О. Гудхерт, нельзя сказать, что «американская литература наконец догнала еврейского автора», не игнорируя при этом творческие и исторические факты. Ведь еврейский писатель должен был учиться говорить на английском языке, и говорить мастерски. Он также должен был преодолеть свою иммигрантскую незащищенность, страх перед новой страной. Еврейская литература США начала XX века отличается нарочитой сентиментальностью, жалостью к себе, а также отсутствием острого взгляда на жизнь за пределами «гетто» - и именно это препятствовало адаптации еврейских авторов, выходу их в «большой мир американской литературы» [6].

Мы разделяем точку зрения О. Гудхерта, считающего, что еврейские темы первого и второго поколения иммигрантов – страх, жалоба, замкнутость диаспоры, религиозная ортодоксальность и сложности с конфессиональной адаптацией – уже менее слабо звучат у третьего поколения писателей-евреев: С. Беллоу, Б. Маламуда, Д. Шварца, А. Кэзина.

Мемуары А. Кэзина «A Walker in the City» еще укоренены в традиционном еврейском мире, но, в отличие от еврейских авторов начала XX столетия, он рожден американцами, он носитель английской речи по рождению, а потому его кругозор гораздо шире границ Браунсвиллского дома его родителей, он вливается в космополитическую Америку Манхэттена. Кэзин и его современники замыкают поколение мигрантов-родителей, вступая в господствующую тенденцию американской жизни. И все же и Беллоу, и Кэзин сохраняют внутреннюю, интимную «еврейскость» своего детства («the Yiddishkeit of their childhood») [7].

Действительно, как свидетельствуют тексты перечисленных писателей, избыть, зачеркнуть, преодолеть *полностью* свои национальные корни, не удастся никому из

авторов. И если А. Кэзин и намеревался в своих мемуарах продемонстрировать выход за пределы родного традиционного круга, словно бы пространственно преодолевая территорию родительского дома, а во временном аспекте – устремляясь в будущее, то в итоге исповедальный жанр привел его к осмыслению прошлого, а в сущности, погрузил рассказчика в его переживание и частичное слияние с ним. Однако прошлое уже маркируется для автора такими оттенками чувства, как страх, трепет, нежность, отчаяние, свидетельствуя о потаенной драме разрыва с прошлым, а следовательно – национальной идентичностью.

Самоощущение писателя С. Беллоу и его отдельных героев колеблется между памятью, еврейскостью, усвоенной с молоком матери, и заботой о его *американской* идентичности. В его романах, таких как «Augie March», «Henderson the Rain King», «Herzog» характерным типом героя является саморефлективный, самоироничный герой-жертва, который снова и снова возвращается к осмыслению своего интимно-личного прошлого.

Мотив бремени прошлого звучит и в рассказе С. Беллоу «Something to Remember Me By». А в его романе «Ravelstein» рассказчик Чик (сокращенное от «boychick») довольно прозрачно эксплицирует автобиографические настроения самого писателя:

«Well, I had a Jewish life to lead in the American language, and that's not a language that's helpful with dark thoughts» [8]. По свидетельствам биографов С. Беллоу, идиш на протяжении всей жизни сохранял для него статус языка детства, крови, рода, языка комфорта, в старости он все чаще и чаще прибегал к нему в разговоре с друзьями-евреями.

Таким образом, в еврейской американской литературе XX столетия особенно остро обозначились две проблемы – это сохранение родной национальной идентичности и обретение американской идентичности.

К 1960-1990 гг. становится очевидной успешная ассимиляция писателей евреев в мультикультурный социум Америки. Постепенная утрата связи с еврейскими корнями – религиозно-конфессиональными, традиционно-бытовыми, ментальными – с одной стороны, принесла писателям-евреям ряд карьерных, профессиональных преимуществ, а также преимуществ более универсального осмысления места человека в мире, не ограниченного рамками канонов прошлого.

Хорошо это или плохо, но процессы глобализации, инициированные именно культурой и политикой США, особенно отчетливо сказались на творчестве авторов, принадлежащих к национальным и конфессиональным меньшинствам в социополитической структуре американской нации.

Существует определенная аналогия между постепенно ассимилирующимися авторами-евреями второй половины XX столетия и американскими авторами-южанами – У. Фолкнером («Шум и ярость» и другие романы), Ф. О'Коннором, У. Стайроном, остро переживавшими и отобразившими в своем творчестве трагический разрыв с традицией.

Серьезным шагом вперед стало обретение авторами-евреями определенной внутренней свободы от собственного еврейства, а именно способность открыто говорить о проблемах своего этноса, занимая более дистанцированную позицию, чем автор первого и второго поколения иммиграции в США.

Когда известный еврейский общественный деятель, активистка движения исторического осмысления трагедии Холокоста Ханна Арендт подчеркивала маргинальность образа еврея в западной культуре, она подводила под это не только национально-историческую судьбу еврейской культуры, но и философскую основу.

Еврей как пария – это своего рода *Посторонний, Чужой, Другой* [9] Исторически он посторонний и по отношению к миру язычников, и по отношению к христианству, но он может также стать посторонним внутри собственного социального и этнического микромира. Типичный пример такого отчуждения среди своих – биография и история героев («альтер эго» автора) Ф. Кафки.

Тема маргинального героя, чужого, постороннего, столь ярко разработанная в литературе австрийского модернизма авторами-евреями, нередко - эмигрантами (Ф. Кафка, Э. Канетти, М. Брод, Ф. Верфель, Й. Рот, П. Целан и др.), на наш взгляд, типологически максимально близка художественному миру исследуемого нами творчества Ф. Рота.

Остановимся подробнее на вопросе адаптации писателя и героя-еврея в американском мультикультурном пространстве, а философски шире – в социуме мире как таковом.

Типологическая близость художественному мироощущению Ф. Кафки Ф. Рот ощущал с самого начала своей писательской карьеры. Особенно импонировал ему образ героя-маргинала, отверженного парии.

Свою отстраненную, ироническую позицию Чужого он выразил уже в ранней повести «До свидания, Колумбус», где традиционно-еврейская семейная жизнь предстала в сатирическом свете. Сатирико-ироническое начало звучит и в романе «Случай портного», где самозванные представители гласа еврейского народа берутся обличать героя как предателя исконно-национальных основ.

Эта отчужденная позиция не всеми соплеменниками писателя была принята с одинаковым пониманием. Воображение Ф. Рота может быть рассмотрено как воплощение свободы художника идти дальше, чем это позволяют религиозные и прочие каноны. «Sabbath Theatre» Ф. Рота - роман, написанный под влиянием французского писателя-антисемита Л.-Ф. Селина, - пожалуй, наиболее яркий тому пример.

Ф. Рот занял продвинутую социальную, идеологическую и философскую позицию, дерзнув критически взглянуть на собственное этническое сообщество. И его свобода мысли – в некотором смысле и есть успешная американизация в третьем поколении. Ибо что это, как не провозглашенное в США право на свободу слова и мысли?

Право евреев или афроамериканцев шутить о своей культуре, критиковать ее публично есть высшая форма свободы и одновременно заботы о будущем и настоящем своего этноса. Такую парадоксальную, а отнюдь не ортодоксальную позицию и занимает Ф. Рот наряду с писателями Б. Маламудом и С. Беллоу.

Несмотря на то, что творчество Ф. Рота часто ставят в один ряд с писателями-евреями третьего поколения, он имеет явные специфические черты в своей литературной культуре, рознящей его со старшими современниками (Ф. Рот на 18 лет младше С. Беллоу, например). Так, в он рожден родителями-американцами, достаточно адаптированными в социуме США. Следствием этого является то, что Рот не владел идишем столь же органично, как владели им Беллоу, Кэзин, Айзек Розенфельд, Д. Шварц, Озик, Маламуд.

Пожалуй, главный мотив творчества Ф. Рота – это бунт, причем бунт, обращенный в относительно консервативной (иудаистской) атмосфере. Такая закономерность весьма типична для многих писателей XX столетия, детство и юность которых сформировались в ортодоксальной семейной или образовательной среде, а творчество тем не менее свидетельствует о самых радикальных формах дестабилизации, десакрализации всего и вся [10].

Ф. Рот реализует свой бунт в самых различных вариантах. Это и ироническая профанация эротической темы, призванной косвенно свидетельствовать о прорыве личности сквозь границы суперэго (в фрейдистском понимании), как, например в романе «Случай портного».

Ф. Рот словно пытается преодолеть власть национальной идентичности, вывести своего героя в пространство, где он становится подлинно свободным – однако каждая из таких попыток оказывается более или менее карикатурной, гротескной, а то и трагической, что лишь подчеркивает прочность архетипических связей с еврейским прошлым.

В романах «Counterlife» и «Operation Shylock» писатель драматизирует противоречивые требования атеизма и религиозной ортодоксальности, жизни в диаспоре и жизни в Израиле, вступающие, в свою очередь, в парадоксальное противостояние со свободой художника, романиста, который должен сохранять отстраненную, созерцательно-созидательную духовную позицию.

Итак, творчество американских евреев последних двух-трех десятилетий характеризуются беспрецедентным разнообразием интонаций, мотивов, тем. Вступившая в силу постмодернистская техника письма, придающая многим произведениям фрагментарную, дисконтинуальную структуру, как нельзя лучше соответствует сложной тематике мозаичных поисков личной и национальной идентичности современным героем-евреем, а в частности – героем, являющимся писателем, то есть в сущности онтологическим двойником автора-еврея.

Наиболее значительная часть этой прозы была посвящена проблемам ассимиляции, как обозначает его критик Сильвия Б. Фишман, «поочередно болезненным и веселым процессом ассимиляции» [11].

Особенной силы и выразительности в репрезентации этого процесса достигли авторы так называемой «большой тройки» - Сол Беллоу, Бернард Маламуд, Филип Рот. В творчестве Рота своеобразие «нас» (евреев) и «их» (христиан, которым принадлежала Америка), то противопоставлялись, то вступали в сложные психологические игры, но в итоге, тем не менее, могли быть легко противопоставлены, так как каждая идентичность занимала свое строгое место в картине мира американца.

Выводы и перспектива. По замечанию С.Б. Фишман, главная специфическая черта прозы современного поколения евреев-писателей – это одновременное присутствие в двух мирах, исконно-еврейском и собственно американском, то есть, иными словами, почти состоявшаяся ассимиляция.

Это явление, на наш взгляд, во многом спровоцировано, усилено всеобщим процессом глобализации, который нивелирует человека национального в человека экономического, радикально меняя сам способ мироощущения человека в постмодерном мире потребления, всеобщем «обществе рынка-спектакля» (Э. Ги Дебор).

Но именно на этом все более нивелирующем фоне, где историческая ситуация сегодняшнего мира предстает уже не как мультикультурная, полифоническая, как это было в мире модерна, а как монокультурная – а именно экономическая *par excellence* – сохраняют свою актуальность поиски еврейскими писателями США своих истоков, попытки соотнести вопросы традиции и свободы, прошлого и будущего, этнического, национального и глобального.

Список литературы

1. Сулова Т.И. Общечеловеческое и национальное в культуре, вызов глобализации // Общечеловеческое и национальное в философии. Кантовские чтения в КРСУ. – Бишкек, 2004. – С. 177.
2. Royal D.P. Unfinalized Moments in Jewish American Narrative // *Shofar: An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies* 22.3 (2004). – P. 1-11.
3. Цит. по: Royal D.P. Unfinalized Moments in Jewish American Narrative // *Shofar: An Interdisciplinary Journal of Jewish Studies* 22.3 (2004). – P. 2.
4. Там же. – P. 3.
5. E. Goodheart. The Jewish Writer in America // *Sewanee Review*. No. 116.1. 2007. – P. 93-107. – P. 93.
6. Там же. – P. 94.
7. Там же. – P. 95.
8. Цит. по: E. Goodheart. The Jewish Writer in America // *Sewanee Review*. No. 116.1. 2007. – P. 93-107. – P. 96.
9. Эту тему в творчестве Б. Маламуда исследует, в частности, И.А. Бельцер.
10. См. в этой связи интересные наблюдения У. Эко над католическими корнями бунтарства Дж. Джойса в кн.: У. Эко. Поэтики Джойса. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 496 с.
11. Fishman S.B. Reading and Analyzing the New Jewish Writing // *The Way Into Varieties of Jewishness*/ Jewish Lights Publishing, 2006.

Калужина О. В. Адаптація єврейських письменників у американському літературному процесі / О. В. Калужина // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 294-300.

В цій статті розглядається проблема адаптації єврейських письменників у американському літературному процесі, названі три основні етапи становлення єврейських письменників, описані найважливіші теми їх творчості. Окремо розглядається тематика творчості Ф.Рота, його бажання бунтувати проти соціальних устоїв.

Ключові слова: ідентичність, літературний процес, єврейській, національний

Kalujina O. V. Adaptation of jewish writers is in american literary process / O. V. Kalujina // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University*. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 294-300.

This article deals with the problem of adaptation of Jewish writers in American literary process, three main stages of their view formation are described, the most important subjects of their works are enumerated. Apart from that, the main ideas of Ph. Roth's novels are considered.

Key words: identity, literary process, Jewish, national

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.